

029
P29p
K88

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

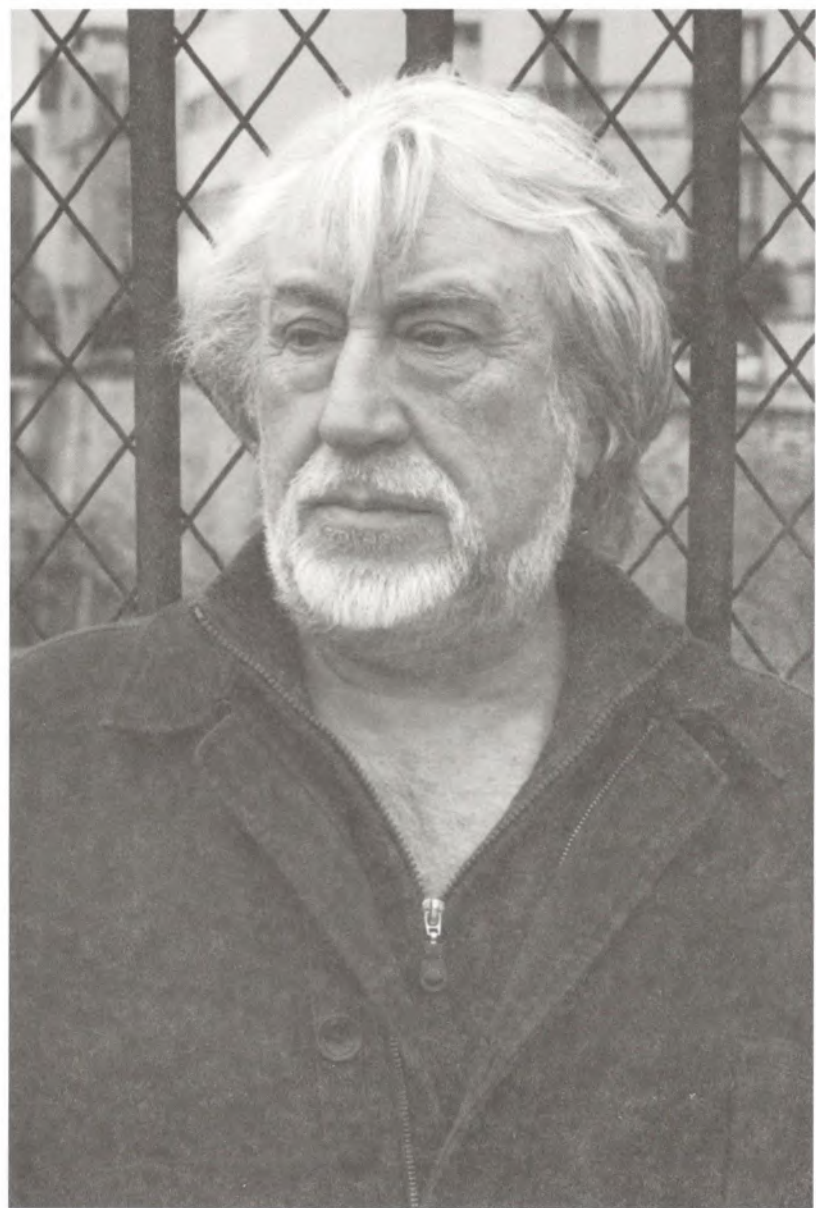
Посвящается Воле

2010

Издание «Украина»
Библиотеки и. Переселенцев

И. П. Кучеренко
8 сентября 2010
Специально

P29p
K88

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

*Посвящается
Воле*

-174748-7

Рыбинск · Медиапрост · 2010

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К 55

ISBN 978-5-904886-01-1

Художник
Ирина Антонова

© Юрий Кублановский, 2010
© Ирина Антонова, оформление, 2010
© Издательство «МедиаРост», 2010

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Отечественная поэзия сегодня в затяжном и тяжёлом кризисе.

С одной стороны — постмодернизм разъедает её своими ужимками и конъюнктурным стремлением угодить реальности. С другой — словесность старого приёма, поблёкшей эклектичной поэтики.

Я постарался пройти между тем и другим и попытался освежить лирическое слово в границах канона. Непростая задача, и, возможно, для читателя поэзия моя попервоначалу сложна. Очевидно, требуется некоторое культурное усилие — для того, чтобы в неё вжиться. Но потом, надеюсь, она отблагодарит.

Тем более, моих земляков — ведь мы одной *волжской* крови...

Младенчество, детство, отрочество — из этих возрастных ипостасей вырастает жизнь человека, все перипетии его дальнейшей судьбы.

Но, вероятно, в самом глубинном, главном, творчество и судьба — синонимы. А если так, то, видимо, не приходится удивляться, что на протяжении десятилетий поэзия заставляет возвращаться меня на Волгу с маниакальной настойчивостью. И ведь чем становишься старше, тем отчётливей память о тех, казалось бы, в Лете утонувших годах. Я не замечал этого, пока не собрал данные стихи вместе.

Идея такого собрания (или, как теперь говорят, проекта) принадлежит нынешнему мэру Рыбинска Ю.В. Ласточкину, предложившему мне сложить все «волжские» (и около волжские) стихи — в книгу. Благодаря его попечению — она перед вами.

Юрий Кублановский

1 января 2010 года

* * *

1

Прощай, дорогая, настала пора расставанья,
змеиных разводов лепнины вокруг потолка,
душ неискушенных, неутолённых желаний
и розовых пятен на пальцах цветного мелка.

С той самой весны

я тебя и запомнил такую:
из чёрного сада под горку скользила тропа —
к лохматому льду, проходившему по-над рекою,
и падала щедро на нас соляная крупа.

...В мещанском квартале погибших домов деревянных
доныне гуляют в прохладном покое удач
два голубя тучных, бродяжка с серьгой оловянной,
с растительным маслом в причёске проезжий силач.

Ты слышишь,

ты слышишь — то нас призывают с тобою.

Своё отмолчала ты, я своё отголосил.

И радужит воздух над коркою берестяною,
ещё догорая в расщелинах бурых осин.

В апрельских ветрах мы на днях растворимся с тобою,
когда забулдыга, на вешнее солнце кривясь
и снежную влагу с тропы загребая полою,
проглотит слюну и почует в себе ипостась.

Да, мы отлучимся, но после своё навестаем,
неся над землёю в ответ шелестящую весть:
ограбленный дед мой в снегах ярославских окраин
простил

и дозволил всей живности снова расцвести.

1967

НА ЭТЮДАХ

Дворы безлюдные. Замшелые дрова.
Лицо и руки вымочила морось.
Окрестный лес блестит, как конский волос,
болотная поломана трава.

Приятель мой в тяжёлых сапогах
с этюдником в руке по грязи скачет.
И церковь разорённая маячит,
чуть видимая в четырех шагах.

Сельхозмашины остов голубой
навстречу людям выгибает шею.
Ты зябнешь, друг. Я тоже холодею.
И одиночеством насытился любой.

Лесной мираж напоминает быть.
Когда по ватману плывут, щетинясь, ели,
как утешают нас размывы акварели
плюс два стаканчика и красного бутыл!

1969

ЦИРК

Клоун ногой загребает опилки,
чем вызывает смешки и ухмылки.
Канатоходец идёт бумчевой,
крепко от жизни устав кочевой.
В ветхом брезенте залатана дырка —
вот атрибуты проезжего цирка.
Я его в детстве с отцом посещал.
Цирк переехал. А я обнищал.

В пятидесятые жалкие годы
он нам показывал фокус свободы.
Рядом топорщились брючины-клёш
и прикрывающий их макинтош.
Только теперь понимаю глубоко,
как было сиротливо тогда и убого:
публика, купол, брезентовый гул...
Я свою жизнь пополам перегнул.

1969

* * *

Памяти Светланы Басковой

Крыжовника кленовые листочки
красны и серебристы от дождя.
Мне видится открытая вражда
в твоей любви, лишённой оболочки.

В своём дому на кожаный лежак
приляжет барин, молодой и плотный.
Не заблудись в кистях рябины черноплодной,
когда тебе я больше не вожак!

Не забреди в соседские края,
сентябрьских роз ещё остры колючки...
Как холодны твои лицо и ручки,
крестьянка родовитая моя!

1970

СПАС

Ю. Зубову

Полуразрушенной церкви портал
днём над кладбищем в тумане витал,
преображался, и таял, и звал
на покаяние прямо сейчас.
Это село называется Спас.
Радостно душам, но страшно — за нас.

Тут, пробираясь меж диких могил,
старый приятель мне так говорил
как-то в минувшее лето:
— Я не крупца с небесных полей,
знаешь ли, тело прабабки моей
здесь похоронено где-то.

1970

* * *

Чернота, распаханная густо
добрым плугом Млечного Пути.
Надо жить не праздно и не пусто,
чтоб такого пахаря найти.

Ком земли с полуночного неба
разомни в натруженной руке.
Знаешь сам, что не осьмушкой хлеба
вечно живы звёзды вдалеке.

И покуда души ищут выход
из земных и из небесных тел,
их любой каприз, любую прихоть
я бы тотчас выполнить хотел.

1970

ЛЕСНИК

*Мы сегодня от счастья в слезах,
как апостол, прозревший в Дамаске,
так что радужный воздух в глазах
уподобился детской гримаске.*

1

В соломенной шторе мерцают полосы,
мерещатся вещи сквозь сумрак и тишь.
И я уже выкурил треть папироски...
А ты, драгоценная, дышишь и спишь.

Ах, я не достоин такого подарка!
Я знаю лицо твоё, губы, плечо.
Я знаю, где холодно, знаю, где жарко,
где сразу и холодно и горячо.

Проснись — мы натопим огромную печку,
на наших глазах испаряется чай.
Мороз заковал свою бедную речку,
метель навалила сугроб невзначай.

Вот наша округа с её околотком,
с холодной скорлупкой, горячим ядром...
Румяный лесник с золотою бородкой
проехал в санях перед нашим окном.

Румяный лесник с золотою бородкой,
к тому же — в фуражке с зелёной бархоткой
проехал...

И сердце забилося сильнее.
Куда он направился? Верно, за водкой!
Я б тоже, любимая, выпил с охоткой,
да где её взять, не имея саней?

Вот если бы было немного поближе...
А впрочем, в груди моей хватит огня:
давай-ка я встану на финские лыжи,
а ты, зарыдав, перекрестишь меня.

По древнему лесу с порошей в овраге
помчусь, чтоб запомнить уже на века —
замёрзший замок на стеклянном сельмаге
и странно блуждающий взгляд лесника.

1974

КОНЬКИ

Борисоглебск Ростову брат,
там тоже снежные излишки.
Имбирно-розовый закат
бросает блики в аккурат
в тетрадь хозяйского сынишки.
Пацан готов считать деньки,
когда мытарствам окончанье:
ему отец купил коньки,
но держит их покамест в тайне.

... Однажды, лишнего хватив,
тот потащил меня в кладовку
и даже стал велеречив:
— Гляди, купил мальцу обновку!
Ножи прикручены винтом
к свиной блестящей чёрной коже.
— Но я их дам ему потом,
когда исправит неуд, рожа!

Сквозь иней смотрят звёзд глазки
на двор, где голубятни пика,
на ветках лёд пустил ростки.
Тропа скрипела, как мостки,
и полулаял пёс заика.

1974

КОЧЕТ

Осанистый петух с пунцовыми зубцами,
с отливом перьев по плечам.
Все куры от него с разбитыми сердцами
несутся в сене по ночам.
Зерниста кожа лап, а звездчатая шпора
дрожащей клушке свысока
в момент блаженства до упора
вонзается в бока!

...И где-нибудь в хлеву колхозника соседа
она ему снесёт из золота яйцо.
Но он успел забыть.
Так новая победа
не опалит ни сердце, ни лицо.

Всё кончено, и никаких претензий.
Изба хранит меж бревен мглу.
Лишь купы поросят-гортензий
прижались к тусклому стеклу.
Но горделивый монстр, он всё соображает,
и этот белый солнцепек,
и нас томящихся — зеркально отражает
его глазной раёк.

1975

1-174748-7

* * *

...тщетно я был молод.

Пушкин

...Ни воску тёплого, ни камушка, ни смол
законопатить уши нету,
когда звучит в саду старинный рок-н-ролл,
и дева, не чинясь, попросит сигарету.
Когда-то ведь и мы, принарядясь,
на эти игрища спешили.
Тогда такие па преследовала власть,
а патлы пацанов, не слишком золотясь,
раз в десять покороче были!

Слегка шероховат горячий лён плеча,
и червячок с ветвей похож на сукровицу.
Цветные лампочки манили сгоряча
за их тревожную границу.
Но рот возлюбленной был твердым, как орех.
И этим сразу же исчерпывался грех.

А сладко вспоминать, однако,
тот допотопный страх... тот первый неуспех...
почти единственный — похвастайся, гуляка!

1975

РЫБАК

Рыбак, надеясь на улов,
силки сетей забил в колодки
и до утра сидеть готов
в ребристо-влажном чреве лодки.

Его замшелая фелонь,
как видно, не имеет сносу,
когда под красную ладонь
он подставляет папиросу.

...Но вот качается гамак
с большим и белым телом щуки.
И счастлив сумрачный рыбак,
сжимая ей на жабрах руки!

Не думаю, что я добрей,
когда тебя ищу и кличу,
а отзовёшься — поскорей
спешу вернуть свою добычу.

Голодных чаек хищный гам
и огоньки-сороконожки.
И в темноте по берегам
всё реже светятся окошки.

1975

ВАЛЬДШНЕП

Саше Корнилову

По утрам поблёскивают росы
у песчаной сосенки в паху.
На болоте бурой клюквы россыпь
прижилась в зелёном мху.
Источая испаренья лета,
препоясан ватник ремешком.
Горстку дроби высыпь из кисета,
ловко вскинь двустволку с гребешком...
И увяз в сосновой оболочке
выстрела сухой хлопок.
И зачавкал по овчине кочки
и по сопкам пористым сапог.

Что за рощи вспыхивают дальше,
там, где воздух розовато-сиз,
знает только серокрылый вальдшнеп,
серый вальдшнеп, падающий вниз.

1975

По вишнёвым углам залоснился киот,
зеленеет в стаканчике масло.
Деревянный фасад наклонился вперёд,
во дворе на защепках распяли испод.
Опустело в садах и погасло.

Белый мостик над тиной напрасно повис,
по нему ты напрасно проходишь,
и глядишь на лягушачьи заводи вниз...
Никого из земли не воротишь.
И не выйдет родная знакомая тень
угостить леденцом из кармана,
потому приближаюсь я сам что ни день
к этой тени в воротцах чулана*.

Но своим чередом опадает листва.
Под полозьями мало-помалу
разалмазился свисткий накат Рождества.
Чащи вербы сродни красноталу.
И хранилища былей, точней, небылиц —
за железной дорогой сараи.

А ещё колокольни кладбищенской шпиц,
где срываются, каркая, стаи.

1975

*Рыбинский мещанин Никанор Гронзин; даты жизни на поваленном камне не сохранились.

* * *

Голубая косилка при входе.
Не разбейте о притолку лбы.
Солея в голубином помёте;
золотые осколки резьбы.
Полустёрта сусальная фреска.
На апостоле копоть и гарь.
Заржавела на петлях нарезка.
Некрещёные входят в алтарь.
Сквозь проломы небесное тесто
вяжет отблеск огня своего.
Это Богом забытое место
было некогда храмом Его.

А теперь мы сквозь ветхие мрежи
наобум отпускаем судьбу...

Но зачем, Иисусе, и где же
хочешь слышать Ты нашу мольбу?

1975

РОДНАЯ РЕЧЬ

Ел. Игнатовой

1

Дальнему ельнику наперерез
промельком падают звёзды с небес.

Спят деревенский журавль и ушат,
снега подушки на крышах лежат.

Утром из труб потянулись дымки.
Иней на стёклах — луга и венки.

Лось, из копны ухвативший сенцо.
Волк, ямцику облизавший лицо.

Что-то из детства — из «Речи родной».
Чу, Алексей Константиныч Толстой!

2

Что-то из детства — из «Речи родной».
Прямо под окнами наст ледяной.

Вдоль седовласых кустов и коряг
мчит, возведённый Некрасовым в ранг,

старый топтыгин на облучке,
если возница сидит в кабачке.

3

Выбрал упругую розгу в пучке
и отдувается на мужичке

ласковый барин, заметив мозоль
на страусиновой лапке борзой.

Пар чаепития. Тихий азарт
перед рядом перламутровых карт.

4

Скучный уезд. Костяной бильярд.
Доктор, хватающий за бакенбард

важного искусствоведа жену.
Помню на стенке картинку одну

там, где всё сыро и воздух нечист,
где на троих закурил гимназист.

5

Искры по ветру — курнул гимназист,
к шпалам прижался, слышался свист,

что-то друзья из сугроба кричат,
миг — и над ухом колёса стучат.

Меркнет багровый вдали огонёк.
Русские мальчики... Сорван урок.

6

Стёкла вагона — мороза роса,
леса завеса, небес образа.

Слёзы под веками — щиплет, печёт...
Это не задано! Это не в счёт!

1976

Памяти Л. С. Соколовой

Этого домика нет. Только сад поредевший напротив,
да розоватый булыжник в проплешинах виден асфальта,
да вороньё, как и прежде, обросло высокие кроны.

В бархатных вмятинах перекошились ступени.
Запах уборной и чёрного хода потёмки.
Слева скрипучая лестница — «к Нюре»,
а прямо —
дверь «к Рыкачевым», стареющим девам недобрым.

И разноцветный витраж уцелевшего чудом окошка,
и с червоточиной пробы за завтраком чайная ложка.

На огороде смородина, запах садовой малины
с белым кинжальчиком в сердце и кислые сливы.

Топится печь обливная, напротив — портрет Магдалины,
а перед нею свеча и подшивка разбухшая «Нивы».

Или лото в перехваченном туго кисете,
ставим бочонки на цифры, закрытые в клетки.

А за окном в темноте уподобились Раю
заиндевелые ветви и звёзд ледяная рассада.

Этого домика нету. Но верую и понимаю:
он достоянье не волжского — Божьего Града.

...Божьего Града — затем и улыбки на лицах,
что во вселенной гуляют сомы и плотвицы.

Словно у лунки на льду огнедышащей Леты
спит рыболов — и подошвы его разогреты.

1976

* * *

Прошлое — явь, грядущее — явь,
а настоящее — сон.
А если не так, попробуй поправь,
в прошлом влюблён, в грядущем влюблён,
а теперь уходи, оставь.

В прошлом — водная зыбь, трава,
в грядущем — залежи звёзд.

А вот теперь больна голова,
и страх «качает свои права»,
и на сердце — мёртвый нарост.

1976

* * *

Невидимый ветер ракиты испод серебрит.
Кудлатая туча затмение солнцу сулит.

И падают капли на дранку, на ветви, в траву,
и ветер, играя, опять приоткрыл синеву.

Когда пацаном я в сенях полутёмных робел,
на солнце валялся, вокруг себя слепо глядел,

к нам бакенщик старый пришёл, громохая ведром,
где пленная стерлядь дышала боками и ртом.

...Теперь я не тот; и вокруг себя зорко гляжу,
всё вижу, всё знаю, искусные речи вяжу.

Знать, скоро на веки положат тяжёлый медяк.
И бакенщик старый введёт меня в ивовый мрак.

1976

В ИЮНЕ

Четыре стихотворения

1

...Этот луг с необъятной травой,
светотени лимонной сурепки
и плывущие над головой
облаков тонкостенные слепки
или дупла с замшелым грибом,
в мятной плесени ливня болячки,
береста в лишае голубом,
словно только что вышла от прачки...

На беспечных плотвиц бытиё
в ключевой золотящейся чаше
начинаю равненье своё,
чтобы знала — как это щемяще.

2

Стрекозка побыла — и нет.
Желанная за гранью мира,
она, как шмель, ушла в букет
махровых васильков эфира.

Напрасно радует глаза
слезы взметнувшаяся дужка —
медузка зноя, стрекоза,
хрустальных заводей подружка,

истаяла наискосок.
А мы и без неё богаты.
Июньский полдень так высок,
как древнерайские палаты.

Нам остаётся сенокос,
травы и клевера ботвинья
да гладкий за уши зачѐс
твоих каштановых волос
и блузы солнечные клинья.

3

Словно крестик на верной груди,
белый пестик июньской сирени.
Колокольчиков зыбь впереди,
и сурепка растѣт по колени...

Ты, конечно, не можешь без слѣз,
это будешь не ты — без печали.
Говорят, на носу сенокос,
вот и выпимся на сеновале.

Где проходит косарь, колченог,
нам готова душистое ложе,
замогильный сидит мотылёк
на шиповника сливочной коже.

4

Белые купы поздней сирени
гнутся под ветром среди светотени.
Свадебный полдень до зноя охоч.
Свет подвенечного — в белую ночь.

Поздней сирени античные слепки
волнообразны на фоне сурепки.
Снежные шапки альпийских высот
наsupротив вологодских ворот.

У монастырской разграбленной кладки
поздней сирени червивы початки.
Отблеск софийности, райских жилищ —
с напоминаьем про недра кладбищ.

1976

КУКУШКА

Махровых столбиков, куриной слепоты,
лесного клевера опушки.
Болотным сапогом не раздави травы,
загадывая по кукушке.
Как изваяние, замри на полшагу.
Июня радужная дужка,
медок лесничества на солнечном снегу...
Ещё, ещё, моя кукушка!
Голубка, ласточка, чего же ты молчишь?
Или тебе меня не жалко?
В скупом пророчестве, должно быть, твой барыш,
бесцеремонная гадалка.

13 июня 1976

* * *

Помнишь — капли дождя катышок,
розы ставший буреть гребешок.

Как пасхальные свечи, красны
и смолисты огарки сосны.

Клёкот сойки, дождя дребедень
и шаров золотых на плетень,
колосясь, повалившийся сноп.

Слышишь — Зверя тяжёлый галоп.

То Антихрист на сытом коне
прыгнул наземь в свинцовом огне.

И теперь всё равно — что бежать,
что в глубокой могиле лежать.

1976

* * *

Подумать, сколько было вложено
сердечной силы, скорби впрок!

Погребено и обезбожено,
и не пускаем на порог.

А сколько слов в слезах повторено
и в каждом взгляде и черте!

Всё позабыто, проворонено,
осталось неизвестно где.

...А для чего сутробы таяли,
в пшенице сохли васильки,
цепные псы на даче лаяли,
о стёкла бились мотыльки?

Тогда среди сияний выпренных
еще не открывалось нам,
что много званых, мало избранных
и приуроченных к мирам.

И растекаясь вместе с реками,
и забираясь на холмы,
и с солью радужной под веками
да разве думали, кумекали,
что всех недолговечней — мы?

1976

* * *

Кто пробовал силу и волю
да вдруг надорвался в пути,
за кем через вьюжное поле
нам трудно и страшно идти,
кто в землю холодную ляжет,
отпетый худым вороньём,
тот Господу правду расскажет
про то, как на свете живём.

1976

* * *

Мы будем с тобой перед Богом чисты,
что осени огнепалящей листы,
где спутан узор червоточин
с ледком травянистым обочин.
И глядя из мрака — в Успенскую сень,
мы милости ждём, а не мщенья.
И, может быть, ты только бледная тень
той будущей — после прощенья!
А я уж не кокон, вмещающий ложь,
зимующий в чёрном стропиле,
а тот — чью ладонь ты с охотой возьмёшь
в раскрытой для чуда могиле.

13 октября 1977

* * *

В залепленном окне серебряно-седое,
потом багряное и, наконец, ночное.
Я чувствую, что стар, что на лице моём
оцет минувшего. Я прижимаюсь лбом
к стеклу холодному и слушаю без страха,
как дробно в тишине кормушку долбит птаха.

...Склоняясь над тобой, я чуть не позабыл
того, кто до меня тебя со мной делил,
и не забрал во тьму, как пленников в обозах:
островский кашемир в кустодиевских розах
и крупных огурцах любимого платка
вкруг юного лица, когда спешишь с катка,

да ветку снежную, да камень голубиный
от дней — когда тебя не трогал ни единый.

1978

* * *

г. Тутаев (бывший Романов-Борисоглебск), на Волге...

1

На отшибе за красным лабазом
тут — в медвежьем углу,
солнце смотрит в замороженным глазом
в голубиную мглу.
Волга вся — ледяные торосы.
На ветру оглянусь.
От мороза в глазах настоящие слёзы...
Подневольная Русь!
Где соборные окна, ржавая в железах,
пропускают метель
и тутаевских головорезов
запредельную трель.

2

Отстрелялся Некрасов, бурлацкой ущицы
похлебал на веку.
А теперь что за дичь — воробьи да синицы
в голубином снегу.
Да буксир по весне убегает скорее.
Годовалая власть

о мятеж ярославцев, дуря и совея,
окровавила пасть.
И теперь отдыхает в морозной постели
у крестьянских лачуг.
Не разбудят её запредельные трели
колченогих пьянчуг.

3

Навсегда, у гремучих плотин Волголага
притворившись немым,
здешний люд позабыл, что такое отвага.
Только розовый дым
над избой от воздушных колеблется сшибок...
Водянистый чаёк.
Да в рубиновой чашечке, ранен и зыбок,
у икон огонёк.
Еле видно повязку на распятом теле,
Богородичный лик.
Да к оконцу зелёные травы метели
прирастают впритык.

4

...Что косишься на чёрствый ломоть, привереда?
Отвечай по суду.
Где-то тут твоего и ограбили деда
в тридцать пятом году.
Расспросить бы хозяйку про это убийство,
кто гулял в эти дни.

Да боюсь, что повсюду одно кровопийство
и убийцы — одни.
Больно пресен замес у её каравая,
больно соль солона.
И бесшумное небо до дна освеща,
индевет луна.

5

...Да и сколько с тех пор испеклось, затерялось
в голубиных снегах!
Может быть, на земле никого не осталось.
На родных берегах
только я да старуха с сухими руками,
потускневшим кольцом.
Вот и будем чаёвничать с нею веками,
молодея лицом,
коротая деньки, как во время осады
этих гибельных мест —
да глядеть на багряные стигмы лампы,
окаймившие Крест.

11 февраля 1978

* * *

Россия ты моя!

И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий листья...
В завшивленный барак, в распутную Европу
мы унесем мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном смуглом дыме
бурьяна и руин,

вот-вот погаснешь ты.

И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ощупь выйдут в двери
останки наших душ.

...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты.

1978

ВЕЧЕР

«Там», — указал Кирилл.
Ёлочный горизонт
недосягаем был.
«Да», — сказал Ферапонт.

И песнопенья стай,
что в облаках с весны —
от монастырских свай
до островов Шексны.

*

Елей, осин, осок
зелень темна, темна.
Послеиюльский ток.
Пепельный ворс гумна.

Келарня и казна.
Что на кивот поник —
сноп васильков и льна.
Кроткого Спаса лик.

*

Страшно тебе одной.
Лучше в далёкий путь
тихо пойдём с тобой
так, чтоб тебе на грудь

луч опустился вдруг
в цвет твоего лица —
не разжимая рук,
верных и без кольца.

*

Ветхую нашу плоть,
всю от ступней до лба,
верю, простит Господь,
только б была мольба.

Ибо в последний час
разве возможен страх?
Скажет: прощаю вас.
И превратит во прах

*

то, чему должно тлеть,
ибо невместно там.
...Сумерек русских медь,
словно припой к стволам,

в узком дупле оса,
синей Шексны прибой,
берег в волнах овса —
только без нас с тобой.

*

Если закрыть глаза,
вместо ночной зари
«только без нас» — слеза
веки сожжёт внутри.

Соль из-под влажных век
крепче сожми в горсти,
словно последний снег.
Только без нас. Прости.

12 июля 1978

* * *

Молочко осиное.
Ветер солодящ.
Смоляная синяя
тьмь сосновых чащ.

На тропе петлящей
шишки да песок.
Парохода лающий
тающий свисток.

С мором на юродивых,
странников, заик —
как увидишь Родины
потаённый лик?

В дуплах пня сохатого
у чужой казны?
В Волге — от Саратова
до болот Шексны?

На могильной яме ли,
где бурьян вырос?
В разможённом храме ли,
где слепой Христос?

Спи, земля лесистая,
вправленная в твердь...
Жертвенная чистая
ласковая смерть!

1978

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОЛГЕ

Прибрежные доли в сангине заката,
в мерцающей зыби река...
Послушай, как просится сердце куда-то
во плавкое — под облака!

Схватил бы я в цепкие руки гитару,
напенил цимлянским бадью
и гнал бы и гнал из Симбирска в Самару
под парусом крепким ладью.

Так много призыва в заутреннем звоне,
что хочется прямо сейчас,
прощаясь, прижать к задубелой ладони
холодный персидский атлас

и видеть песок, засинённый зарёю,
где чаек разносится крик
и пахнет смолистой лиловой корою
медвежьих углов патерик.

О Волга, всегда твоему благолепию
сродни атаманская стать.
Убей меня, Волга, мазутною цепью
и выброси на берег спать.

1978

НА ЗАКАТЕ...

Г.О.

Наша рана будет долго жить,
осень вянуть, и метель кружить.

Всё трудней встречаться стало нам,
прятать сердце по чужим углам.

...Точно издыхающий дракон,
дерево чернеет. Вороньё

налетает и со всех сторон
(как любил я слабое... твоё...) —

плоть его терзает и клюёт.

И напрасно в ветви небосклон
заливает тёмно-карий йод!

1978

В ОБЛОМОВКЕ

Memento mori!

1

Египет муравьиных куч.
И петела истошный крик
в опаловую толщу туч
с земли проник.

И колокольни ствол щербат,
заросший ветками, травой,
не станет наново богат,
благовестя над головой.

Да ветерок со всех сторон
над тиной барского пруда.
Ив неохватных — в никуда
трухляво-бархатный наклон.

Замедленный прощальный взмах
вослед:
— Надолго?
— Боже мой!
И в бесхребетной жизни — страх
в крапивный зной.

У спуска в русалочью гать
трухлявые дупла пусты.
Нам нечего больше желать.
Зачем просыпаешься ты?

Иль, думаешь, русскую хмарь
спугнёт прискакавший курьер:
«Обломова ждёт Государь
для новых реформ», например?

Ленивцам легко умирать,
им смерть не докучливый гость.
Авось и сумеет достать
кувшинку короткая трость...

Как туго затянута нить
(Зачем вы торопите нас?
Нам некуда больше спешить) —
меж тем, что потом и сейчас.

1978

* * *

Белогривый июль над взволнованной Волгой.
Колокольня с трёхгранной позлащённой иглой.
Светловерхая пристань с торговым флажком,
где медвежий загривок со щучьим душком.
...А вчера мудрецы паровую машину
заложили в баржу, испугав Катерину.
И прибой, побежав по мазутным доскам,
наподмешивал синих моллюсков к пескам.

Драгоценность из жизни ушедшего детства.
Неухоженный холмик от деда в наследство
на погосте, одевшем в лопух да бурьян
среднерусские кости купцов да мещан.
...Поскользнуться б в бору на сосновой игле
меж лиловых стволов в муравьиной смоле.
А не комом нагуливать в горле кадык,
помятая Некрасова длинный язык.

1978

ЗАПОВЕДНИК

В эдемском подлеске медвежьих углов
рябина не мельче китайки.
Пестро оперение филинов, сов
и светло-коричневой чайки
над рябью озёрной, когда кто-нибудь
заметит в разгаре рыбалки
в ракитовых чащах тяжелую грудь,
холеную спину русалки
и, ёжась, уключиной скрипнет в пазу.
Послышатся тихие всплески.
И думая, что ухватил стрекозу,
с блеснувшего кончика лески
счастливо сорвавшись, уходит домой
в зелёную толщу подлещик...

И чудится — с берега кличет *родной*
свою крепостную помещик.

1979

В ДЕТСТВЕ

*Высока моя постель...
Убаюкивает, тая,
Убегающая трель,
Костяная и пустая.*

Бунин

Серебряная ложечка
с червлёным черенком.
Как бы щекочут ножичком
под самым кадыком.

Не смерть стучит костяшками,
благословляя плоть, —
целебными ромашками
пропахшая щепоть

перекрестила мальчика.
И я уснул. В ночи
стволы морозцем лачило,
багрянилось в печи.

Манил цветными сотами
фруктовый сахар и
качанье за кивотами
сусанинской хвои.

И бабин лоб с морщинами,
и прядей молоко,
и кладбище с лощинами —
совсем недалеко.

*

Сочится сукровицею
расшитый сапожок.
Над бритыми над лицами
с ветвей летит снежок.

Похож на ёлку с птахами
рождественский старик.
Скрипучий наст под ляхами
порозовел на миг.

Есть что-то жутковатое
в сусанинской петле
сквозь чашу. Густоватое
варенье на столе

малиново сиропится
сквозь мой глазной раёк...
Повремени хворобиться,
не засыпай, малёк!

Вдыхая искру снежную,
больного горла сушь
в отроческую грешную
заманивает глушь.

*

И слышно — печка топится,
хоть к марту пуст сарай.
Простуда в теле копится,
в фарфоре преет чай.

Синичья голубиная
грачиная тщета.
Июньская куриная
на грядках слепота.

Мой сад, из снега лепленный
с тенями летних мет...
И золотосеребряный
иконостасный свет!

1 января 1980

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Снег поскрипывает нарами.
На ветру лицо горит.
Русь под новыми татарами
крепко, крепко, крепко спит.

Под татарами, под пытками
говорливей немота.
За скрипучими калитками
золотая мерзлота.

Пахнет углями угарными
топка честного труда.
Русь под новыми татарами
спит до Страшного суда.

...Я тогда пред Богом выступлю,
попрошусь к Нему на дно,
красный путь слезами выстелю,
чтобы с нею заодно.

1979

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Прозрачная яма со стенами тверди топаза
в мерлушковых тучах открылась теперь до отказа.

Там солнышко наше, которое малость поярче
земли заснеженной, которая малость пожарче.

В кудели мороза запутались ветви опушки,
её веретёна, станки, челноки и коклюшки.

Всё слаще и тише воркует сосна-голубица,
на свежем ветру задубела её власяница.

... Вот здесь бы лежал я под цоканье злого отряда,
тачанкой отличного лишь от панургова стада,

лицом костеня и снег собирая в охапку
бессильной рукою, как гнусную красную тряпку.

1979

* * *

Всё дрожишь — как бы выжить
и себя не срамить.
Жжётся — ежели ближе.
А подальше — остыть
по-покойнически просто,
хоть и страшно в конце.
И такая короста
лжи на сонном лице,
словно ей незаконной
отдал всё до гроша.
И к земле осквернённой
прижимаясь, душа
раньше времени взглядом
ищет крест меж оград.
А Господь — Он ведь рядом
над свечами распят.

1980

БОБИК

1952

Б. Думешу

Сонный посад с колокольной пожарной,
битой брусчаткой к реке,
где пароходец, трубою угарною
свистнув, забился в рывке.
Голый базар с пучеглазой копилкою —
глина, папье ли маше?
Нищий с трясущейся жадно поджилкою.
Первые страхи в душе.

К бедного школьника потному вороту
красная лепится мгла.
Медленно ползает фура по городу,
с час — от угла до угла.

...То же и бобик
с вихром неудачника
без ремешка из кирзы —
разве из клетки вонючей собачника
видно клочок бирюзы?

1982

ПАМЯТИ Е.С. ГРАММАТИНСКОЙ

Память расколется
шпату подобно,
и приоткроется
в сколе подробно:
ранний оброчный
иней на прядках
при полномочных
тёмных лампадках.

Поднял Креститель
трепетно длань.
Ёжась, Спаситель
встал в Иордань.
Густо на ели
двух берегов
вдруг полетели
хлопья снегов.

Маслом на своде
этот мираж.
Шёпот в народе:
«Господи... дашь...»
Пламени холки
в стане свечном.
Словно иголки
в нерве личном.

Где теперь люди?
Где им кресты?
Горлом в остуде
с дальней версты
в стихшую заметь
ей подпою
Вечную Память
небытию.

1985

ПЛАТОК

Возьми платок — вспомняешь!

Б.

1

Неизбежное закланье
неизбывных дней,
словно противостоянье
ёлочных огней
иль подтёк аквамарина
на большом листе,
чья ржавеет сердцевина,
что клепа в кресте.

Слышу, слышу зов губерний
над ершистым льдом,
вижу зарослями терний
ослеплённый дом
и над ними масок львиных
подлинный оскал.
С крапом лапок воробьиных
снежный перевал.

Кто с того вернётся света,
пусть доверит мне:
чем сроднимо то — и это
белое в огне
притяженье зимних улиц,
где чужой каток
и не греет детских скулец
маменькин платок.

24 января

2

Эй, под елями лохматыми
теневого аквамарин,
изнутри с рубцами красными
лучевыми апельсин —
мне окликнуть вас с альпийского
удаётся гребешка
в смеси ветра италийского
и арийского душка.

Пригодился б тут вспомянутый,
увлажнённый ртом чуток,
в пояснице перетянутый,
щёку колющий платок,
чьё рядом в запас уволено
после выслуги годин,
верный друг Аники-воина
из суворовских дружин.

Пересохла, перетаяли
санный след, желанный плод,
где беспечно шавки лаяли
на идущий с громом лёд.
...Преломив, из крови вынула
жизнь отрезанный ломоть,
прежде чем к плечам прикинула
крест — готовная щепоть.

26 января 1984

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Коричневата густая сеть
трещин на амальгаме.
Страшно мне на себя смотреть,
выжил я из ума на треть,
адресовался б к маме —

фотки б не приложил вовек
в стойбище воронное
сын — у иссякших молочных рек,
змей, заползающий на ночлег
под полотно льняное.

Разве на вешнем ветру малёк
в потной до глаз ушанке —
я, собирающий алчно впрок
на европейских камнях оброк
с каждой родной шарманки?

Впрочем, спасения тесный лаз,
как обещает Книга,
должен сужаться из часа в час,
ибо сказал Искупивший нас:
благо Моё — что иго.

Мнись и дальше лицо, шершавь
изморозью, щетина,
голос, выведи и заляпь,
дабы бегущая в раме рябь
стала свинцовой льдиной.

25 июля 1985

* * *

Твердокаменный грецкий орех,
в сохлой шкурке двойной арахис.
В гримировочной спешка и смех
за хоругвями чёрных кулис.
В свежebritую щёку отец
отчуждающе пудру втирал.
Из вагона: «Мужайся, малец!» —
повелительно шляпой махал.

Разучился я в горле катать
ком поддельный, коль хочется есть,
стал забрасывать строки в тетрадь
и ловить их ответную лезть.

Но под колющей крупкой из туч
после приторных взывов валторн
оказалось — один и живуч
неподкупный кладбищенский дёрн.
Знает Бог, за какую вину
невесомую ношу нести:
материнское — в спину — «клян»
и отцово — на ухо — «прости».

1985

ПТИЦА

Неулетаемо крыльями прядает
птица в пространстве сыром,
заворожённо взмывает и падает
над проряжённым холмом
ржавыми рощами.

Если б не тернии
под напряженьем границ,
я бы бежал до родимой губернии
светлых от снега темниц —
той, что в повстанческом честном усилии
первая изнемогла
и в колеснице у красного Или
спицей десятой была!

Впрок запасённое и полотняное
в берестяных сундуках
тлеет её бесприданниц приданое
на заводских берегах.
И повсеместно речные жемчужины,
высыпав на образа,
тоже в коптящие свечи вутюжены,
выжаты девам в глаза.

...К лону бы ухом прижался, а мокрую
щёку сушил на ветру,
Христолюбивое, стало быть, строгое
воинство ждал поутру
и не дождался.

Лишь крыльями прядая,
птица в оконце седом,
заворожённо взмывая и падая,
напоминала б о том,
что ведь и наша душа не привязана
лыком навек к топчану,
что и её перейти предуказано
мизеру — в величину.

1985

* * *

На родной земле
и крыло в золе —
рычажок полёта.
Прах отцветших лип
в кипятке прошиб
до седьмого пота.

Жизнь моя там — знак
вседоступный — как
поступать не стоит.
Василёк, репей —
окоём степей
дождь скупей напоит.

В полынье небес
ловит русский бес
не сома, а тюльку.
Я б воскрес и сам,
если б маме там
подменили люльку.

От моей игры
саднит с той поры
на локте лепёшка,
колет клещ в плече.
И прямой в луче
на отпев дорожка.

1983

ЗЕМЛЯ

1

Какою горечью
впрок душу напитала
мою невольничью,
когда б ты только знала!

Поля лоскутные
к военным поселеньям
впритык и людные
по воскресеньям

погосты с хлопьями
вороньих стай галдящих,
ограды с копьями
вокруг могил пропащих.

...Раздав имение,
юрод и богомолка,
в своих владениях
мы бедствовали долго.

Изгой и пария
подслеповато,
поддав, кемарили
под боком у заката.

И возле осыпей
ворсилась перед нами
рожь низкорослая
с седыми васильками...

О, оскудевшая
и испитая,
когда-то тлевшая,
теперь сырая,

по праву сына я
в чьём чёрном списке,
земля единая,
хотя в раздрызге,

и неделимая,
не отражая,
шепчу: родимая!
тебе, чужая.

2

Желток ампира с мордой львиною
в ноздре с кольцом.
Я пацаном стою с повинною
перед крыльцом.

О пир для глаз!
Но слеп сегодня я.
И преисподняя
не отпускает нас.

От каждой вещи
разит бедой.

Позднее позднего мне смысл открылся вещей
приниженности той.

Росли в провинции емеями.
А в грозный час
на стенку стенка шли с портфелями,
и вожаки блатными фенями
подбадривали нас.

И так сходились врукопашную,
что было на весах
победы потных однокашников
цыплячье, но тем паче страшное
светило в небесах.

Кажись, кому именья розданы,
тому служи.
Но в сумерки грозноморозные
куда-то юркнул неопознанный
зверёк с межи.

Мы — однолюбь
в который раз.
В который раз архангельские трубы
оповещают нас

о днях коклюшных.
Прожорливая тать,
велеречивая в своих посулах ушлых,
земля родимая, ты приучила душу
чего-то ждать.

1987

ПАМЯТИ ДЕТСТВА

1

В расщелине облака дым
клубится густой на плаву,
как будто прикрыл серафим
пернатым доспехом главу.

И снится ему
 под брюхом иная земля,
не та ли, что мне самому?
С младенческим тальком поля

бесплодные — с первым снежком,
взвихрѣнным над поймой реки,
где просят супцу с потрошком
 с погоста купцы-старики.

Я пѣк там картошку в золе,
чей жар посегодня во рту,
играл на бесхозном дворе
с потомками красных в лапту,

и, сколько бы сытно ни ел,
затягивал ту же ремень
и из-под ладони глядел
 на главку с крестом набекрень

и громкий вороний кагал.
Давно из игры
той выбыл я, облюбовал
иные миры.

О, облак! Один на один
со всем, что ты видел на днях,
легко ли тебе, господин,
в альпийских кончатся камнях

с обрывками снов не своих?
Лесисто глубокое дно
у сколов кремня осыпных,
где полутемно

и тает последний дымок
с последним трофеем навек:
то радужной дужки рывок
навстречу кресту из-под век.

2

В глазах колокольчиков рябь
с иваном-да-марьей взахлѣст.
Репьѣм заросли погреба
погоста с крапивою в рост.

С малиной парным молоком
рок мальчика впрок напоил
полярно и недалеко
от тех безымянных могил.

...И вдруг открывается дверь
в чистилище, звякнув крючком,
где занят ещё и теперь
топчан говорящим сверчком.

Те сны, удлинявшие дни,
не видные даже родне,
и стали закваскою... И
они посегодня при мне.

В сосновом бору
ворон растревоженных грай,
как будто им не по нутру
отчества шаткий сарай.

Я пёк там картошку в золе,
чей жар уберётся во рту,
играл на бесхозном дворе
с потомками красных в лапту

и пыль поднимал, городков
враз палкою кон раскатав,
снетком ускользал из садков
в речной зарябивший рукав...

Летите ко мне напролом
из той тишины, голоса.
Слепите толчёным стеклом
над той темнотой, небеса!

Пернатым доспехом-крылом
согрел серафим полюса.

1988

* * *

А. Солженицыну

Клеймённый сорок седьмым,
и посеючас глотаю
тот же взвихрённый дым,
стелющийся по краю
родины

и тылам,
точно ещё под током
и паутина там
в красном углу убогом.

Лакомо мандарин
пах в января начале.
Чайки с прибрежных льдин
наперебой кричали:
— Не оступись! — мальцу
в валенках до коленок.
А через улицу
прямо от нас — застенок.

Но ничего не знал
я, оседлав салазки.
Ветер в ушах свистал
вместо отцовской ласки.

А по путям вдали
в зоны,
лязгая, тихо шли
тёмные эшелоны.

Словно в мороз миры,
видел я блеск пугливый
ёлочной мишуры
и засыпал счастливый.
То-то теперь в моей
памяти, сердце, жилах
вымершие цели,
чем костяки в могилах.

1989

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В укусе пламя жемчужное —
солнце варяжское, выюжное
в пору затмения.
Площадь с трусящей волчицею.
И над безлюдной столицею
райское пение.

Дома! Взбегу-ка по лестнице
к милой (и славно, что в плесени
ручка дверная),
забарабаню костяшками,
как там у ней под рубашкою
крестик, гадая.

В лампы с фарфоровым парусом
и потускневшим стеклярусом
круге зелёном
дай, словно маленький, силу испробую,
сжав в затупившихся щипчиках с пробоем
сахар пилёный.

Память — река с ледяными заторами,
если уехал — тони под которыми
впредь до подъёма
в знобкое утро Второго пришествия
с преданным привкусом счастья и бедствия,
стало быть, дома...

Стёкла с крупицами.
Кладбище с птицами
за снегопадом
с ветками липкими,
тропами скрипкими.
Родина рядом.

1989

* * *

Поплавки рубиновой лампы
и зелёной — с корнем из пеньки,
словно это визави посада
бакенов маячат огоньки,
медленно сносимые теченьем...

В том же с ними праздничном ряду
ленты заполярного свеченья
и рубцы на соловецком льду.

1990

Каким Иоаннам, Биронам
и Стенькам поклонимся мы,
провидит, должно быть, ворона,
игуменья здешней зимы,
раз каркает властно над нами:
мол, дети, о чём разговор?
И красными сосны стволами
нас манят в кладбищенский бор...

Всевышний, прости наши долги.
Прощаем и мы должникам —
в верховьях отравленной Волги
клубящимся облакам.
Скудны по-евангельски брашна
и тленна кудельная нить.
Как стало таинственно, страшно
и, в общем, невесело жить.

Усопшие взяты измором,
кто водкой, кто общей бедой.
Хлам старых венков за забором,
пропитанный снежной водой:
воск роз, посеревший от ветра,
унылый слежавшийся сор —
как будто распахнуты недра
отечества всем на позор.

Ноябрь 1990

Когда роковая блестит на
дневном небосклоне звезда,
где столь бескорыстно, безбытно
ты вить не спешила гнезда,
платок не вмещает убогий
разброс твоих косм золотых,
и кисть тяжела от немногих
заветных колец родовых.

Недаром ты в силе и праве
в последние впрямь времена
читать в просквожённой дубраве
напутствия и имена
давно погребённых счастливых.
Ну, кто из них уговорил
вдруг с места сорваться синицу,
нахлебницу здешних могил?

Туземцы при этом режиме,
мы сделали всё, что могли:
на ощупь в отеческом дыме
навстречу погибели шли
и слабые силы копили
для мести какой, может быть,
но вдруг обречённо открыли,
что нечем и некому мстить.

...С приходом над дрёмным простором,
где в детстве крестили тебя,
и тамошним аввою в створах
таинственного алтаря,
с землёй обескровленной нашей
со льдом иссякающих рек
мы связаны общею чашей
и общей просфорой навек.

27 декабря 1990

ТОГДА ЕЩЁ КЛЕВЕР ПАХ

Ю. Зубову

1

Тогда ещё клевер пах
за нашей околицей.
В полдень летал впотьмах
овод по горнице.
Там тишина взахлест
громом утроена
в синих почти до слёз
неба промоинах.

Влажная акварель
тоже была чиста,
тает её капель,
скатываясь с листа.
В лунках тех красок вновь
тускло стоит вода.
Ладно, не прекословь
слышимому тогда.

...Кто-то принёс на двор
было щенка-слепца,
так и скулит с тех пор
возле щелей крыльца,
переходя на рык.
Вымершим вторящий
это и есть язык
русский глаголящий.

2

Заколосился вдруг
ярче за рамами
всеми цветами луг
теми же самыми...
Из годовых колец
вытянула рука,
чтоб распахнуть, ларец
ветхий этюдника.

Как выживали встарь,
кисточкой тыкая
в ультрамарин и гарь,
тайна великая.
Тот отшумевший бор
всё баснословнее.
Стали и мы с тех пор
суше, бескровнее.

Тела не греет бязь.
Словно теряя жар,
в полый зенит, клубясь,
катится серый шар.
И полыхнул вдали
свет фосфорический
падающей земли
 в омут космический.

1989, 1991

* * *

Месяц ромашек и щавеля
возле озёрной сурьмы.
Словно на родине Авеля
снова убитого мы.

Нового Авеля, лёгшего
рядом неведомо где,
кротко улыбку берёгшего
в русой с медком бороде.

Стадо с приросшею кожейю
к рёбрам спасается тут.
Лютые над бездорожием
овод, слепень и паут.

Светлое небо порожнее.
Слышатся окрик и кнут.
С каждой минутой тревожнее
по воскресениям тут.

Все в этой местности пьющие
с каждым стаканом грубей.
Кульги ветров загребущие
да колокольни, встающие
тихо из сонных зыбей...

1994

* * *

Под кровавую воду ушедшие
заливные покосы губернии.

В Сорской пустыни ждут сумасшедшие,
что омоют их слёзы дочерние.

И безумец глядит в зарешёченный
лес в оконце ворот — и надеется

в заозёрном краю заболоченном,
что в застиранной робе согреется.

А другого, в траве прикорнувшего,
ододело унынье досужее.

Настоящее жутче минувшего —
думать так, земляки, малодушие.

Сердце ищет, как утешения,
бескорыстно, непривередливо,

пусть неправильного решения,
только б верного и последнего!

Было ясно, теперь помрачение;
и, блестя раменами, коленами,

иван-чая стоит ополчение
в порыжевших доспехах под стенами.

1994

* * *

За поруганной поймой Мологи
надо брать с журавлями — правей.
Но замешкался вдруг по дороге
из варягов домой соловей
и тоскует, забыв о ночлеге
и колдуя — пока не исчез
над тропинкой из Вологды в греки
полумесяца свежий надрез.

Расскажи нам о каменной львице
на доспехе, надетом на храм,
о просфоре, хранимой в божнице,
как проводит борей рукавицей
по покорной копны волосам.

Но спеши, ибо скоро над топью
беззащитно разденется лес
и отделятся первые хлопья
от заране всклублённых небес.
Но ещё и до хроник ненастных
по садам не осталось сейчас
георгинов в подпалинах красных,
ослеплявших величием нас.

1976, 1994

Озолотились всерьёз
в свалках откосы,
копны раKIT и берёз
пряди и лозы.
Некогда, впрямь молодым,
нам обходились в копейки
к приискам тем золотым
ведшие узкоколейки.

Красным царькам вопреки
были тогда ещё живы
сверстники и смельчаки
те, что потом, торопливо
опережая, легли
в узкие, тесные гнёзда
из-за нехватки земли
на отдаленных погостах...

Дождь непрерывный до слёз
то барабанит, то бает.
Только ленивый берёз
осенью не обирает —
около лавки свечной
с бойкой торговлей воскресной
или излуки речной,
враз ключевой и болезной.

...Но на родные места
с тусклым осенним узором
глядя и глядя

с креста
под остывающим солнцем,
как поступающим в скит
трудницам простоволосым,
Сын унывать не велит
копнам прибрежных раки,
стаям рябин и берёзам.

1995

* * *

Нет, не поеду — хмуро, волгло.
Но вот уже трясемса всё же
в купе с каким-то бритым волком,
наёмным киллером, похоже.

И дребезжащая открыта
в дыру космическую дверца,
что силой своего магнита
вытягивает магму сердца.

Выходишь затемно на старом
перроне в рытвинах глубоких
еще с времён тоталитарных,
скорее серых, чем жестоких.

На улице — где все бессрочно
почти друзья поумирали
и сосунки в трущобах блочных
диковиною нынче стали,

уже светает; припоздился:
листва осыпалась дотоле.
Когда-то ведь и я родился
при Джугашвили на престоле.

Жизнь прожужжала мимо уха.
На кнопку надавлю упрямо.
Слепая, мне по грудь, старуха
не сразу и откроет... Мама.

1996

Течение сносит и сносит,
и вовсе не труп врага,
который прощения просит,
тебя самого, дурака.

Меняются береговые
пространства, укрытые в дым,
ты видишь их словно впервые
ослабшим своим боковым:

знакомые с детства откосы
с сухим серебром корневищ,
вцепившихся в осыпь
размытых прибрежных кладбищ,

избу старожилов последних,
ещё доживающих тут
с отвычкой души от обедни
и страха, что не отпоют.

...В турецкую кожу одеты,
дородные не по летам
и прыткие авторитеты
уезды прибрали к рукам

и на сектора поделили,
как всем почтарям вопреки
доносят, видать, не забыли,
буреющие земляки.

Мне выпала вместо полочки
завидная участь тайком:
холодные странницы-тучки
вскормили меня молоком.

Счастливец изгнанья не будет,
а родина — где-нибудь там,
где устье воронками крутит,
зазывно открытое нам.

1997

* * *

Снятся мне окромя забот:
дальний откос реки,
створы фарватера в разворот,
вольные паводки.
Вот почему, пожилой мужик,
чураюсь визгливых птиц
и просыпаюсь в ответ на крик
землячек-утопленниц.

...Помню, как оживлял физрук,
склонясь, плавчиху на берегу,
сгибал безвольные плети рук
и бросил: «Поздно. Не помогу».
Речной подпитывают поток
ключи — чем йодистей, тем темней.
Кто-то дёргает поплавок
сердца — сильнее, сильнее.

Кострома, 9 марта 1997

* * *

*Спой
утопленнику про юдоль,
где он зажигал свечу.*

Е. Ш.

Тёмное — с солнцем — лето
в восемьдесят втором

как-то без перехода
в осень обабилось.

Враз пожелтели кромки
крон на обрывчатом

правобережье Волги
над дебаркадером.

Я приезжал прощаться:
мне оставалось три

дня несусветных волглых
жизни на родине.

Всё за спиной — мытарства,
вызовы; впереди

сладкая неизбежность
встречи с Европою.

...Здесь пробегало детство
в летние месяцы

с бабушкой Соколовой
Людмилой Сергеевной.

Храмыны разорённой
портик теперь красней,

гуще ещё крапива,
диче боярышник.

Я вспоминал нырянье,
ягоды, молоко,

как приоткрыл в подклете
старый седой сундук

с тленной парчой — остатком
от облачения,

но со сберегшей форму
розой тиснёною.

Было окрест безлюдно.
Горек мой табачок.

.....

Вдруг возле шатких сходен
около берега

выплыл спиной разбухшей
кверху утопленник.

...До парохода двадцать
с лишним ещё минут.

Чайка зависла, визгнув,
жадная, жалкая.

27 апреля 1997

ШЛИ ВЕРХНЕВОЛЖЬЕМ, ШЛЮЗАМИ

Под Вёсьегонском в оные
дни, не давая тени,
приторно пахнут сонные
вянущие сирени.

Шли верхневолжьем, шлюзами
с вечнозелёным илом
«Юрий Андропов» с музыкой
следом за «Михаилом

Лермонтовым». Как правило,
что мне всегда мерзило —
миром как раз и правило,
было реальной силой.

Ну а уж нам по серости
с лёту, как говорится,
не доставало смелости
с нею определиться.

..Смолоду ближе к вечеру
тянет гурьбой на реку,
как мошкару к диспетчеру,
где уже делать нечего
старому человеку —

разве считать прерывные
дальние огонёчки
да вспоминать зазывные
прежние заморочки

жизни убойно аховой;
были тогда похожи
платьями и рубахами
выпуски молодёжи.

.....

Видимо, я из тёртых
тех калачишек, что
верно умеют мёртвых
только любить, и то,

по существу, немногих —
с кладбища *русских свойств*,
то бишь блаженств убогих,
праведных беспокойств.

15 июня 1997

Отошло шиповника цветенье —
напоследок ярче лоскуточки.
В Верхневолжье душно и ненастно,
что за дни — не дни, а заморочки.
И — остановилось сердце друга
на пороге дачного жилища.
Повезло с могилою — в песчаном
благородном секторе кладбища.

В нашем детстве рано зажигались
пирамидки бакенов вручную.
Под землёю слышишь ли, товарищ,
перебранку хриплую речную
бойких приснопамятных буксиров
на большой воде под облаками;
внутренним ли созерцаешь зреньем
тьму, усеянную огоньками?

Словно с ходу разорвали книгу
и спалили лучшие страницы.
Впредь уже не выдастся отведать
окунька, подлещика, плотвицы.
Был он предпоследним не забывшим
запах земляники, акварели,
чьи на рыхлом ватмане распятом
расползлись подтёки, забурели.

Самородок из месторожденья,
взятого в железные кавычки
задолго до появления на свет
у фронтовика и фронтовички.
Пиджачок спортивного покроя
и медали на груди у бати.
Но ещё неоспоримей был ты
детищем ленцы и благодати.

В незаметном прожил, ненатужном
самосоответствии — и это
на немереных пространствах наших
русская исконная примета.
И когда по праву полукровки
я однажды выскочил из спячки,
стал перекасти — известным — поле,
ты остался при своей заначке.

...Всё сложнее в эпоху мародёров
стало кантоваться по старинке:
гривенник серебряный фамильный
уступить пришлось качку на рынке.
И в шалмане около вокзала
жаловался мне, что худо дело,
там в подглазной пазухе слезинка
мрачная однажды заблестела.

Словно избавлялся от балласта,
оставлявшего доселе с нами:
вдруг принес, расщедрившийся, «Нивы»
кипу с обветшалыми углами,
в частности, слащавую гравюру:
стали галлы в пончо из трофейных,
а точнее, замоскворецких шалей
жалкой жертвой вьюг благоговейных.

Время баснословное! Штриховку
тех картинок дорежимных вижу.
В яму гроб спустили на верёвках,
как в экологическую нишу.
Отошло шиповника цветенье,
ты его застал недавно в силе.
Стойкая у речников привычка:
что не так — так сразу перекличка,
слышимая, статья, и в могиле.

1 июля 1997. Девятый день

ПРИБРЕЖНОЕ

Перегоревший рано июль,
серые кровли, порванный тюль;

и хироманта находка — лопух
всеми буграми сразу набух.

Родоначальник, ветхий Адам
теплой водкой спасается там

и поминает рай в шалаше,
знать, не хорошим словом в душе.

.....

Я из другого теста, поди,
что-то другое ноет в груди.

Кверху б спиною одетою плыв,
щупая зенками бархатный ил.

Пыльный ли жемчуг, в брюхе ль икра
у осетрины, жены осетра?

То-то сбежались на берег реки
знавшие цену целковым царьки.

Словом, двуногой быть не хочу
тварью, мне это не по плечу.

На самого я себя положусь.
От самого я себя откажусь.

Так будет проще на Страшном Суде
матушке Роце, батьке Воде...

1997

* * *

Смолоду нырнёшь, пересчитаешь
понову все рёбрышки водиче,
то ли братом, то ли сватом станешь
в стороне невестящейся птице.

Смолоду ведь всё определяет
бытие — твердили ортодоксы.
На обломе лета побеждает
энтропия розовые флоксы.

Годы промелькнули с той разлуки.
В два последних — что-то похудали
так фаланги пальцев у подруги,
что гулять свободно кольца стали.

И всё чаще, чётче вспоминаю
малую свою, как говорится,
родину, которую не знаю,
словно помер, не успев родиться.

Я из жизни всю её и вычел
и не хлопочу о дубликате.
Но как прежде тянет плыть без вычур
при похолоданье на закате.

Кинешма, 3 августа 1997

* * *

Когда на отшибе заволжского севера
шмель облюбовал себе шишечку клевера,
то тенью прикрытый, то вновь облучаемый,
я прибыл на смотр облаков нескончаемый.
Окрест недобитые флора и фауна
забыли, поди, пионера и дауна,
тем более зенками к стенке прижатую
сперва медсестру, а потом и вожатую.
Джаз-бандец наш с горнами и барабанами
не справился с репертуарными планами.
Лишь в тёмном предгрозье роятся капустницы,
как белые искры под сводами кузницы.

С тех пор миновали срока баснословные,
то бишь временные отрезки неровные.
С настырностью паводка послепотопного
жизнь вырыла русло поглубже окопного.
И, как рядовой ветеран на задание,
я перебегаю себе в оправдание,
рукой прикрывая глаза от зарницы и
без необходимой на то амуниции —
к истокам: узнать, вспомянув колыбельную,
с какого момента вдруг стала бесцельною
жизнь, славная целью. И брезжит той самую
тот свет раскалённой своей амальгамою.

13 июня 1998

* * *

По праву века стариковского
и холостого разговора
на дебошира из Островского
я сделаюсь похожим скоро,
беря не мастерством, а голосом.
Ярчают в раскалённой сини
сноп тёмно-белых гладиолусов
тяжёлый на руках богини
и платья, схожие с обносками:
мы на просцениуме в раме
шагаем скрипкими подмостками
и низко кланяемся яме.

И снятся памятные сызмала
лощины с зыблущимся крапом.
Как будто зазвала и вызнала
жизнь главное перед этапом.
Я рано на высотах севера
заматереть поторопился.
Сомнамбул шмель в головку клевера
уже неотторжимо впился.
Мы тоже были отморозками,
хотя и не смотрели порно,
а засыпали с отголосками
начищенного мелом горна.

17 июля 1998

ПЛЕННИК

За падавшим в реку мячиком,
а может, и не за ним,
я прыгнул с обрыва мальчиком
и — выплыл совсем другим.
Да вот же он, неукраденный,
не шедший в распыл, в навар,
не ради забавы даденный,
уловленный цепко дар.

С тех пор из угла медвежьего
неведомого дотоль —
на карте отыщешь где ж его —
ко мне поступала боль.
Кончающиеся в бедности
намоленные края —
здесь тоже черта оседлости
невидимая своя...

Вскипали барашки снежные.
И мы, отощав с тоски,
как после войны — мятежные
садились за колоски
убогого слова вольного.
Потом, перебив хребет
души, из райка подпольного
нас вытянули на свет.

Ползите, пока ходячие,
в зазывный чужой капкан.
Глядите, покуда зрячие,
на лобную казнь Балкан.
Просторней весной сиреновой
заброшенные поля.
Но коже под стать шагреновой
сжимается мать-земля.

Догадки о русском Логосе
отходят к преданьям — в стынь,
оставив звезду не в фокусе
и приторную полынь
во рту у стихослагателя,
глотающего слюну,
как будто у неприятеля,
прижившегося в плену.

24 апреля 1999

* * *

Затемно над рекою
низко клубится дым —
хочется мне покою,
чтоб задохнуться им.

То бишь похож заране
до опознания я
на рыбака в тумане
сером небытия

над мелководной бездной;
пьяные голоса
с набережной уездной
слышат ли небеса?

Судя по отголоску
говора «матьматьмать»,
нынешним отморозкам
нечего им сказать.

Солнце за пеленою,
словно вода в ведре.
Сердце готово к сбою,
ступору на одре.

Крепче прижавшись ухом
к голой родной земле,
той, что мне будет пухом
в холоде, как в тепле,

слышу, глотая слёзы,
как там в хвое сырой
крошится лист берёзы
мельничкой золотой.

Связано кровно имя-
отчество праотца
с синими и седыми
астрами у крыльца,

с кустиками бархотки,
как на ветру один
с лиловизной в сердёжке
держится георгин.

И на пустой странице
у стихотворных троп
плотность сырой тряпицы,
охладившей лоб.

Рыбинск, 23 сентября 1999

ЗАСВЕТЛО

Когда ты засветло бываешь
в потёмках дома моего
и всё как будто обещаешь,
не обещая ничего,
и бормоча: какое счастье
вдруг после чёрной полосы, —
расстёгиваешь на запястье
соскальзывающие часы,

я, как ныряльщик неразумный,
поспешно убеждаюсь в том,
что беспокоит вихрь бесшумный
шиповник белый за окном,
и не страшусь колоть щетиной
твоё раздетое плечо,
и мне от нежности звериной,
как молодому, горячо.

2000

НОЧЬ В ЯРОСЛАВЛЕ

Громады лип заворожённые
на набережных и откосах.

Дороги, не освобождённые
от многосуточных заносов.

Ну, разве проскрипит топтыгинский
возок опального Бирона

да просвистит далёкий рыбинский
состав в минуту перегона.

В наполовину обесточенной
стране при общей задаче

живу, как шмель на заколоченной,
ему принадлежащей даче.

И спят окрестные безбрежные,
непроходимые от дома

в алмазной крошке дюны снежные
вплоть до щетинки окоёма.

Но суждено как заведённому
сюда по жизни возвращаться,

парами воздуха студёного
на волжской стрелке задышаться.

Где залпы красной артиллерии
выкашивали богоносца

после падения империи,
теперь лишь звёздочки морозца

подбадривают полузримые,
когда держу тебя под локоть,

и наша жизнь необратимая
покуда не земля, не копоть...

Не надо вслед за обновленцами
нам перекрещиваться снова.

Мы остаёмся ополченцами
не всеми преданного Слова.

3 января 2001

В пелене осеннего молока
хорошо бы, выровняв аритмию,
генным кодом старого черепка
разжиться и воссоздать Россию.

Чтобы стала снова такой, как до
своего позора, конца, итога.
Чтобы было так же окрест седо,
но мерцала маковками Молога —

ведь ещё потопа не ждёт никто,
хоть полкан поскуливает с порога.

Я бы начал на ночь читать внучкам
свод законов или земли кадастры,
прижимая к влажным платок зрачкам,
на взъерошенные любовался астры

и неистоцимые облака —
неужели всё это дубликаты?
И уж знал бы, Родина, как хрупка,
а по-своему и права ты!

Или это конспиративный свист,
или кто-то плачет всю ночь в подушку..
И несёт за пазухой террорист,
словно сёмгу, в промасленном свёртке пушку.

2002

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Уж сыплет поднебесье мглистое
снежок на наши палестины,
но в рощи втёрто золотистое
упорно, как раствор в руины.

Ещё речная зыбь ребристая
струится между берегами,
и палых листьев толщ слоистая
чуть-чуть пружинит под ногами.

Кто прожил жизнь неукоснительно
командующего парадом,
тому, возможно, извинительно
всплакнуть на склоне дней покатом.

А я прощаюсь необученным
и остаюсь, туша окурок,
одним из так и не раскрученных
послевоенных коль и юрок.

Тут прошлым станет настоящее,
как только матерком украсят
его хозяева ледации,
что курят натошак и квасят.

...Где я когда-то околпаченный
подружку тискал торопливо,
на голых ветках много схвачено
морозом белого налива.

2002

СНЫ

Зимою — впадиной каждой, полостью
пренебрегавшие до сих пор
льды заполняют едва ль не полностью
речные русла, объём озёр.
Лишь луч, нащупавший прорубь чёрную
там, где излучки в снегах изгиб,
работу видит локомоторную
мускулатуры придонных рыб.

Россия! Прежде военнопленную
тебя считал я и как умел
всю убелённую, прикровенную
до горловых тебя спазм жалел.
И ныне тоже, как листья палые
иль щука снулая блеск блесны,

я вижу изредка запоздалые
неразличимые те же сны.

2004

ПОРТРЕТ

Так и нету внятного ответа,
что такое стынь тоски вселенской.
И откуда вдруг источник света
в дальнем устье улицы губернской?
Это жизнь с её подушным правом.
Это на год сделался взрослее
«Мальчик в красном» с воинским уставом
в костромской картинной галерее.

Объясняют нам на небогатом
языке, что уж не в первый раз мы
стали вдруг побочным результатом
выброса сверхраскалённой плазмы.
Если так — откуда сила духа
у совсем мальчишки офицера?
А ещё: надежда — повитуха
и многоглаголанья, и веры?

И хотя, что вырастет безбожник,
каменщик ли вольный, может статья,
неизвестный крепостной художник
так и не решился догадаться,
мрак светлей — от вьюжного убранства,
от фосфоресцирующих терний,
от необозримого пространства
сопредельных с нашею губерний.

6 января 2004

...Когда их отнесло к фарватеру
за бакен с блёсткою межою,
погиб мой однокашник с батею
под шедшей в темноте баржою.
Ну вот тебе и порыбачили —
о утонувших, не отпетых
под мухой земляки судачили
тогда у волжских парапетов.

...Припоминая духовитую
с послевоенной юшкой миску,
жизнь склеенную и разбитую,
хотел бы я теперь в открытую
подать за их помин записку.
Но как их звали? Поздно спрашивать,
тех, кто их помнил, — не осталось,
а сам забыл. И сам — за старшего.

И небо к ночи разметалось.

2004

НАД СТРОЧКОЙ ДРУГА

1

Когда-то оглядкой
я брезговал, жил налегке
и тёмной лошадкой
был в том вороном табунке.
Как путнику пламень
в намоленном на вышине
гнезде далай-ламы,
так с улицы виделась мне
на кухне конфорки
с фиалковым отсветом дрожь,
где нынче задворки
срезает бульдозерный нож.

Всех матриц подкорки
с собой на погост не возьмёшь.

2

В убогой глубинке
нас на лето стригли под ноль
ручную машинкой,
всегда причинявшею боль.

В седые морозы,
каких не бывает теперь,
мы вместо глюкозы
хлебали кисельную серь.
А в оттепель щепки
несли по косицам-ручьям.
Ворсистые кепки
нам снились тогда по ночам.

А полые слепки
небес доставались грачам.

3

За рык «пидарасы!»
зарвавшегося Хруща
ища поквитаться,
мы жили на ощупь, ища
и видя мерцанье
забрезжившей было строки —
всё на расстоянье
лишь вытянутой руки.
Но нет — не даётся.
И ненаречённое впрок
впередь не наречётся.
Лишь нежности тяжкий оброк

в груди остаётся
от так и не найденных строк.

Мы ждали побудки,
 как будто вокруг лагеря.
 Мы брали попутки
 за жабры в разгар декабря.
 Когда ж в рукопашной
 с божественным словом везло,
 любой карандашный
 огрызок — был наше стило.
 Когда ж, может случиться,
 наступит нежданная вмиг
 пора расставаться
 и с рюмкой, и с полкою книг,

 хочу попытаться
 успеть заглянуть в черновик.

Как долго мы плыли
 по жизни, в волнах хоронясь.
 Как крепко любили,
 с подругой губами сходясь.
 То лето пылило,
 то рощи багрянились, но
 на этот раз было
 серебряным наше руно.
 Совки, аргонавты,
 мы свой завершаем поход
 укором «не прав ты»
 уставшему смахивать пот.

И были сипаты
борей чухонских широт.

6

Накинув на плечи
сырой всё ещё дождевик,
я впитывал птичий
с наплывами шума язык.
И хоть в черепашке
банк данных, который там был,
как в нищенской кружке,
пошёл почему-то в распыл,
ты тёплую руку
на голову мне положи,
худую доuku,
как порчу, снимая с души.

Ведь нашу поруку
никто не разымет, скажи.

P. S.

Пусть время таскает и нас, стариков, за вихры,
но где-нибудь там, далеко — за распылом вселенной
ещё берегутся и ландыши с поймы Пахры,
клонимые ветром в саду золотые шары
и чёрные флоксы, забытые нами в пельменной*.

2005

* Вариация строки Александра Величанского (1940–1990)

В полузабытой империи
что нашей юностью двигало?

Улица и кинозал.

Набриалиненный жиголо
у онемевшей Кабирии
сумочку там отнимал.

Долгой зимою цинготною
в ленте с печальным концом
как не оплакать залётную
птицу с белёным лицом?

Как она с миной болезною
вдруг поняла, наконец,
что на плато перед бездною
с нею не друг, а подлец.

В эту минуту готовое
броситься на остриё
в тощей груди бестолковое
сердце мужало моё.

И неизвестные дивные
там громоздились вдали
снежные кряжи обрывные —
кардиограммы земли.

Март 2007

НА ВОЗВРАТЕ ДЫХАНИЯ

1

Серый после потопа до горизонта штиль,
словно со дна раскопа скифских времён утиль,

видит не харизматик, ставленник куркулей,
а на скамье астматик, мученик тополей,

чья долгота дыханья связана с широтой
целого мирозданья цепью и впрямь одной.

Что ты такой расслабленный, а потому смешной,
старый поэт с разграбленной жизненной кошней?

Видишь, как всё сбывается, что обещал собес:
дышишь — и в путь снимаются

парусники небес.

2

Непогодь наступает — и за окном в тиши
ветер перебирает листья, что клавиши...

Астры, перестоявшие в вонькой уже воде.

Сны мои, явью ставшие, только не знаю где.

С миром вовне общение — это как есть с ножа.
К прежнему приращение нового мухлежа.

Я ж — не лукавец, строящий планы исподтишка,
исподволь землю роющий для своего кружка.

То есть люблю немного, однако же горячо:
астры, твое пологое, слабеющее плечо.

Слово, которым молятся оптинские отцы.
Чтобы у нас в глаголице не было грязнотцы.

Незачем долгожителем быть, накапливая кладь.
Важно не быть просителем и ничего не ждать.

2007

В рост крапива возле развалин храма
обжигала локти, цеплял репей.
А когда подрос, вразумляла мама,
проводя сына в Москву: «Не пей».
Твёрдо помнит живность свои зимовья,
только не такой человек как я,
не однажды тропы и изголовья
поменявший, волны, любовь, края,
наконец, совок и его предзонник.
Посему заложник своей судьбы
в оскуденьи послевоенных хроник
различаю звук духовой трубы.

Ведь тогда не колокол наших предков
проводил, собравшихся за порог,
словно данников воронья на ветках...
В изначально сумеречный денёк

потускнел и кажется каждый атом
не оригиналом, а дубликатом.

2009

СТАНЦИОННЫЕ СТАНСЫ

Неужели бывает
то, чему не случалось бывать:
на глазах прибывает
жизнь, способная лишь убывать,
со времён колыбельной,
будто это меня на заре
порешили под Стрельной
иль у проруби на Ангаре.

Из-под ног уходила
уж земля за последний порог.
Но, войдя, полонила
та, с которой ещё не продрог.
Помнишь, как прижимали
лбы к тускневшему сразу стеклу?
А за ним опускали
проходимцы родную страну.

Как его ни замылен
чем ни попадя глаз на веку,
понимать, что бессилен,
посуди, каково мужику.
Не пловцом, не артистом,
как когда-то покойный отец,
надо минималистом
неуступчивым стать наконец.

Только, милая, снова
знай, что я не сметливый хорёк.
Я заветное слово
с за грудиною болью сберёт
и не хрень диамата
положил на надгробье эпох,
а на стёклах когда-то
колосившийся чертополох,
что в наследство достался
нам от прежних арктических зим,
от уездных вокзалов,
задымлённых на подступах к ним.

Январь 2009

ОБНОВА

Когда, чуть гордясь обновой
и собираясь в путь,
повязываешь медово-
бледный платок на грудь,
вижу уже, какую
птичкую отчих мест
сумеречной порою
сядешь ко мне на крест.

2009

КНИГИ ЮРИЯ КУБЛАНОВСКОГО

- Избранное / Сост. Иосиф Бродский. — Анн Арбор:
Ардис, 1981
- С последним солнцем. — Paris: La Press Libre, 1983
- Оттиск. — Paris: YMCA-Press, 1985
- Затмение. — Paris: YMCA-Press, 1989
- Возвращение. — М.: Библиотека «Огонек», 1990
- Чужбинное. — М.: Московский рабочий, 1993
- Памяти Петрограда. — СПб.: Пушкинский фонд, 1994
- Число. — М.: Издательство Московского Клуба, 1994
- Голос из хора. — М.: Третья волна, 1995
- Заколдованный дом. — Paris — Москва:
YMCA-Press — Русский путь, 1998
- Дольше календаря. — М.: Русский путь, 2001
- В световом году. — М.: Русский путь, 2003
- Дольше календаря. — М.: Время, 2005
- На обратном пути (серия «Литературная премия
Александра Солженицына»). — М.: Русский мир, 2006
- Избранное. — М.: Эксмо, 2006
- Переключка. — М.: Время, 2010
- Посвящается Волге. — Рыбинск: МедиаРост, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предупреждение</i>	5
«Прощай, дорогая, настала пора расставанья...»	7
На этюдах	9
Цирк	10
«Крыжовника кленовые листочки...»	11
Спас	12
«Чернота, распаханная густо...»	13
Лесник	14
Коньки	16
Кочет	17
«...Ни воску тёплого, ни камушка, ни смол...»	18
Рыбак	19
Вальдшнеп	20
«По вишнёвым углам залоснился киот...»	21
«Голубая косилка при входе...»	22
Пробуждение	23
Родная речь	24
«Этого домика нет. Только сад поредевший напротив...»	27
«Прошлое — явь, грядущее — явь...»	29
«Невидимый ветер ракиты испод серебрит...»	30
В июне	31
Кукушка	34
«Помнишь — капли дождя катышок...»	35
«Подумать, сколько было вложено...»	36
«Кто пробовал силу и волю...»	37
«Мы будем с тобой перед Богом чисты...»	38

«В залепленном окне серебряно-седое...»	39
«На отшибе за красным лабазом...»	40
«Россия ты моя!..»	43
Вечер	44
«Молочко осиное...»	47
Посвящается Волге	49
На закате...	50
В Обломовке	51
«Белогривый июль над взволнованной Волгой...»	53
Заповедник	54
В детстве	55
Колыбельная	58
Зимняя сказка	59
«Всё дрожишь — как бы выжить...»	60
Бобик	61
Памяти Е. С. Грамматинской	62
Платок	64
Перед зеркалом	67
«Твердокаменный грецкий орех...»	69
Птица	70
«На родной земле...»	72
Земля	73
Памяти детства	77
«Клеймённый сорок седьмым...»	81
Возвращение	83
«Поплавки рубиновой лампы...»	85
«Каким Иоаннам, Биронам...»	86
«Когда роковая блесит на...»	87
Тогда ещё клевер пах	89
«Месяц ромашек и щавеля...»	92

«Под кровавую воду ушедшие...»	93
«За поруганной поймой Мологи...»	94
«Озолотились всерьёз...»	95
«Нет, не поеду — хмуро, волгло...»	97
«Течение сносит и сносит...»	99
«Снятся мне окромя забот...»	101
«Тёмное — с солнцем — лето...»	102
Шли верхневолжьем, шлюзами	105
«Отошло шиповника цветенье...»	107
Прибрежное	110
«Смолоду нырнёшь, пересчитаешь...»	112
«Когда на отшибе заволжского севера...»	113
«По праву века стариковского...»	114
Пленник	115
«Затемно над рекою...»	117
Засветло	119
Ночь в Ярославле	120
«В пелене осеннего молока...»	122
На малой родине	124
Сны	126
Портрет	127
«...Когда их отнесло к фарватеру...»	128
Над строчкой друга	129
«В полузабытой империи...»	133
На возврате дыхания	134
«В рост крапива возле развалин храма...»	136
Станционные стансы	137
Обнова	139
<i>Книги Юрия Кублановского</i>	140

Кублановский Ю. М.

К 55 Посвящается Волге: Стихотворения. — Рыбинск: МедиаРост,
2010. — 144 с.

ISBN 978-5-904886-01-1

Новое собрание избранных стихотворений поэта Юрия Кублановского, лауреата Литературной премии Александра Солженицына и Новой Пушкинской премии, носит автобиографический характер и адресуется в первую очередь землякам: «Ведь мы одной волжской крови».

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Юрий Михайлович Кублановский

Посвящается Волге

Стихотворения

Фото Владимир Сычев

Компьютерная вёрстка Ирина Антонова

Корректор Ольга Хробыстова

Подписано в печать 19.04.2010. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ № 829.

«МедиаРост»

152903, Ярославская обл., г.Рыбинск, ул. Плева Успенского, 2а

Телефон (4855) 25-36-37

<http://www.mediarost.ru>, e-mail: info@mediarost.ru

Отпечатано в типографии ОАО «Рыбинский дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8

<http://www.printing.yaroslavl.ru/>

e-mail: printing@yaroslavl.ru

ISBN 978-5-904886-01-1

9 785904 886011

...Поэзия Юрия Кублановского — отличается верностью традициям русского стихосложения, ненавязчиво, с большим чувством меры обновлённой метафоричностью — никогда не эксцентричной, всегда оправданной по сущности; и естественной упругостью стиха, часто просящегося к перечитыванию и запоминанию.

В наше время, когда вся литература в целом понесла потери в русскости языка, сужается в лексике, — Кублановский сохраняет его живую полноту.

Другие неотъемлемые качества его лирики — глубинная сроднённость с историей и религиозная насыщенность чувства.

Нельзя оставить без внимания и достойную биографию поэта: после многих лет политических преследований он в 1982 году был вынужден выехать в эмиграцию, где, наряду с европейскими впечатлениями, продолжал разработку русских тем, — затем первый из всех эмигрантов бесповоротно, не на туристскую поездку, вернулся в Россию (в 1990-м) и здесь отдал всё своё внимание бедствиям нынешнего времени, особенно в своей родной Ярославщине.

Александр Солженицын